

РЕЛИГІЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ.

VII.

Утилитарная мораль и этическая религія нашли рѣшительного противника въ лицѣ Ницше. Онъ ставить проблему добра, проблему нравственности. Не подвергая сомнѣнію утилитарную сторону нравственности, онъ спрашиваетъ, можетъ ли человѣческое добро объяснить смыслъ жизни, есть ли оно самое высшее въ мірѣ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Добро имѣетъ утилитарную цѣнность, но смыслъ жизни выше добра и зла. Толстой и Ницше—это антиподы. Есть на эту тему замѣчательная книга Л. Шестова *Добро въ ученихъ гр. Толстого и Ф. Ницше*. Ницше началь сознательную жизнь служеніемъ добру. „Состраданіе и стыдъ имѣли слишкомъ большую власть надъ Ницше, и онъ видѣлъ въ нравственности Бога“. Но онъ не остановился на этомъ пункте. Онъ поставилъ проблему добра, какъ высшаго смысла міровой жизни, и пришелъ къ отрицательнымъ выводамъ. „Онъ искалъ въ нравственности божественныхъ слѣдовъ и не нашелъ. Она тамъ оказалась безсильной, гдѣ всѣ люди вправѣ были ожидать отъ нея наибольшаго проявленія силы“. Сила жизни по Ницше выше идеаловъ добра. Л. Шестовъ признаетъ этотъ выводъ совпадающимъ съ евангельскою благовѣстью: солнце всходитъ одинаково надъ грѣшниками и праведниками. Но не случайно ли это совпаденіе? Не есть ли это пересъченіе двухъ прямыхъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ? Ницше отрицаєтъ добро, евангелие возводить его на высоту абсолютного. Ницше жертва той же ошибки, какъ и представители этической религіи. Онъ искалъ въ утилитарной нравственности божественныхъ

слѣдовъ, но божественное начало нужно внести въ нравственность силою творческой вѣры, какъ это дѣлаетъ евангеліе. Съ этой стороны евангеліе для Ницше осталось совершенно недоступно.

Наши „новопутейцы“—поклонники Ницше и враги Толстого; они отзываются о морали не иначе, какъ съ пренебрежениемъ, они жаждутъ чисто-мистической религіи. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ Нового Пути проводить рѣзкую грань между религіей и нравственностью въ такихъ словахъ: „такъ какъ заповѣдь любить ближняго всецѣло относится къ области поступковъ, повелѣній и запретовъ, то мы приходимъ къ выводу, что эта заповѣдь составляетъ неотъемлемую часть утилитарной, практической, морали, а не мистической религіозной. Другими словами: религіозная истина вообще и евангеліе, какъ историческое воплощеніе этой истины, въ частности, не содержать въ себѣ заповѣди о любви къ ближнему, какъ впрочемъ и никакой другой заповѣди“. Это—смѣщеніе христіанства съ буддизмомъ, это клевета на евангеліе. Евангеліе—гимнъ любви. Не въ томъ разница между утилитарной моралью и евангеліемъ, въ чемъ видѣть ее Новый Путь, а въ томъ, что мораль имѣть ближайшее цѣлью общественное благоустройство, тогда какъ христіанство какъ духовная религія возводить нравственность вообще и любовь въ частности на высоту абсолютного содержанія личной духовной жизни.

Но этого мало. Христіанскую религію хотятъ понять какъ отрицаніе нравственности, *преступленіе* ея законовъ. „Христосъ есть явленіе не нравственное, а религіозное, сверхъ-нравственное, *преступающее* черезъ всѣ предѣлы и преграды нравственного закона, явленіе величайшей свободы по ту сторону добра и зла“. Вмѣстѣ съ этимъ религіозность усматриваются именно въ этой свободѣ субъекта, въ своеоліи лица, въ антитеизмѣ, въ антихристіанствѣ, въ человѣко-божествѣ. „Бунтъ противъ человѣчества (т.-е. отрицаніе нравственности), противъ Бога, противъ Христа — вотъ восходящія ступени этой новой нравственной эволюціи. Безгранична свобода, безграничное Я, обожествленное Я, Я—Богъ,—вотъ послѣднее слово этой религіи“. Итакъ нравственность не какъ автономія разума, а какъ безгранична свободы, и религія не какъ вѣра, а какъ самобожество. Съ

этой стороны заслуживаетъ особаго вниманія книга Д. С. Мережковскаго *Религія Л. Толстого и Достоевскаго*. Книга талантливая. Книга увлекательная. Критическое изученіе ея не можетъ не принести громадной пользы такъ же, какъ вредно должно быть ея вліяніе на умы некритические. И въ томъ и другомъ случаѣ она доставляетъ большое наслажденіе, но она не для большой публики. Я прошелъ чрезъ увлеченіе книгою, и если я ниже отзываюсь о ней рѣзко, то это результатъ обманутыхъ ожиданій, разоблаченаго фокуса.

Блестящихъ представителей новой религіи авторъ, о которомъ рѣчъ, видитъ—исторического въ Наполеонѣ, литературного въ Раскольниковѣ („Преступленіе и Наказаніе“ Достоевскаго).

Наполеонъ — „безмѣрный во всемъ, но еще болѣе странный, не только переступаетъ за всѣ черты, но и выходитъ изъ всѣхъ рамокъ; своимъ темпераментомъ, своими инстинктами, своими способностями, своимъ воображеніемъ, своими страстями, своею нравственностью онъ кажется отлитымъ въ особой формѣ, изъ другого металла, чѣмъ его сограждане и современники.—Онъ смотритъ на человѣческое существо, какъ на обстоятельство или на вещь, но не какъ на себѣ подобнаго. У него нѣть ни любви, ни ненависти къ людямъ: онъ одинъ—все для себя—остальные существа лишь цифры.—Непроизвольно онъ смотритъ на себя какъ на существо, единственное въ мірѣ, созданное, чтобы властвовать.—Я имѣю право на всѣ ваши жалобы возражать вѣчнымъ Я, отвѣтиль онъ однажды на заслуженные упреки одного близкаго ему человѣка и затѣмъ прибавилъ: „я не похожъ ни на кого, я не принимаюничыхъ условій... Я, говориль онъ, не такой человѣкъ, какъ всѣ, и законы нравственности и общественныхъ условій не могутъ имѣть для меня значенія“. Кратко сказать, Наполеонъ—гениальный носитель крайняго своееволія, безграничной свободы, и не на словахъ, а на дѣлѣ, въ дѣйствії. Раскольниковъ говорить о немъ: „настоящій властелинъ, кому все разрѣшается, громить Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, забываетъ армію въ Египтѣ, тратить полмилліона въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильнѣ,—ему все разрѣшается“. На это своееволіе, на эту свободу Мережковскій смотрить религіозно,

свято: Наполеонъ *создавалъ релігію*. Ему лишь недоставало сознанія своего религіозного значенія, недоставало религіозного сознанія: способность дѣйствія въ немъ перевѣшивала способность созерцанія. Онъ „самъ не зналъ, что творить, самъ не вѣдалъ, коего онъ духа“. Но „свою жизнью, прімѣромъ своимъ, величіемъ своего счастья и величіемъ своей гибели онъ потрясъ, какъ еще никто никогда не потрясалъ, глубочайшія основы всей христіанской и дохристіанской нравственности; помимо воли, противъ воли своей, началъ преоцѣнку всѣхъ цѣнъ, возбудилъ небывалыя сомнѣнія въ первоначальнѣйшихъ откровеніяхъ человѣческой совѣсти“.

Раскольниковъ — двойникъ Наполеона. „Я хотѣлъ Наполеономъ сдѣлаться, оттого и убилъ... У меня тогда одна мысль выдумалась, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ“. Преступленіе Раскольникова совершенно особенное, своеобразное. „Надо понять до конца всю дѣйствительную новизну и небывалость этой мысли: всѣ прежнія злодѣйства совершились, все равно по расчету или изъ страсти, но для какой-нибудь цѣли; если бы преступникъ отрекся отъ цѣли, освободился отъ страсти, то могъ бы не дѣлать того, что сдѣлалъ; Раскольниковъ, первый изъ людей, выдумываетъ и совершаетъ дѣйствительно небывалое, невѣдомое въ мірѣ, новое преступленіе, такое, какого никто и никогда не совершилъ до него, преступленіе нового порядка нравственныхъ измѣреній—*преступленіе для преступленія*—безъ разсчета, безъ цѣли, безъ страсти, по крайней мѣрѣ, безъ страсти сердца, только съ холодною, отвлеченною страстью ума, познанія, любопытства, опыта. На опытъ желаетъ онъ узнать, испробовать послѣднюю сущность того, что люди называютъ „зломъ“ и „добромъ“, желаетъ узнать послѣдніе предѣлы человѣческой свободы. И онъ узналъ ихъ“.

Что же онъ узналъ? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ Достоевскій и Мережковскій расходятся. По Достоевскому, Раскольниковъ не вынесъ преступленія своего и это такъ и должно быть, такъ и разумно. Правда, у Достоевскаго не такъ просто представляется дѣло, какъ оно просто для ариѳметически - юридического разума—предъ закономъ сокрѣшилъ, по закону и пострадай. Предъ людьми Расколь-

никовъ не признаетъ себя виновнымъ; онъ возмущается и предъ юридическимъ наказаніемъ - страданіемъ отъ людей. Онъ согрѣшилъ противъ самого себя, „принципъ убиль“; и страданіе его внутреннее, свое,—„внутреннее проклятие“. Но за этою сложностью скрывается прямая мысль, что Раскольниковъ не вынесъ своего преступленія, остался побѣжденнымъ, не вынесъ внутренняго проклятия. „Я былъ въ каторгѣ, пишетъ Достоевскій въ дневникѣ, и видаль преступниковъ, „рѣщенныхъ“ преступниковъ. Это была долгая школа. Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ себя считать преступникомъ. Съ виду это былъ страшный и жестокій народъ. „Куражились“, впрочемъ, только изъ глупенькихъ, новенькихъ, и надъ ними смеялись. Большею частью народъ былъ мрачный, задумчивый. Про преступленія свои никто не говорилъ. Никогда не слыхалъ я никакого ропота. О преступленіяхъ своихъ даже и нельзя было вслухъ говорить. Случалось, что раздавалось чье-нибудь слово съ вызовомъ и вывертомъ, и—„вся каторга“, какъ одинъ человѣкъ, осаживала высокочку. Про это не принято было говорить. Но, вѣрно говорю, можетъ, ни одинъ изъ нихъ не миновалъ долгаго душевнаго страданія внутри себя, самаго очищающаго и укрѣпляющаго“. Иначе смотрить на Преступленіе и Наказаніе Раскольникова Мережковскій. Онъ поправляетъ Достоевскаго: „все, что слѣдуетъ далѣе (въ романѣ, т.-е. покаяніе и воскресеніе Раскольникова), до такой степени искусственно и неискусно приставлено, прилѣплено, что само собою отпадаетъ, какъ маска съ живого лица“. Также Шестовъ отзывается о „сверхчеловѣкѣ“ въ системѣ Ницше, также оба они отбрасываютъ христіанство Толстого, какъ нарость на его язычествѣ. Это „исправленіе“ есть уже сознаніе безсилія понять и обнять. Не всего Толстого понимаетъ Мережковскій, и не всего Достоевскаго онъ понимаетъ, онъ объясняетъ ихъ односторонне, тенденціозно.

По мысли Мережковскаго, цѣнность опыта нового преступленія Раскольникова совершенно иная. „Выходы опыта пре-взошли его ожиданія: онъ думалъ, что человѣкъ свободенъ; но онъ все-таки не думалъ, что человѣкъ до такой степени свободенъ. Этой то безпредѣльности свободы и не вынесъ онъ: она раздавила его больше, чѣмъ вся тяжесть карающаго закона“. Римляне во святомъ святыхъ іерусалимскаго храма

увидали лишь голыя бѣлыя стѣны. „Раскольниковъ такимъ же безстрашнымъ циническимъ взоромъ, какъ римскіе легіонеры, заглянулъ туда, куда никто изъ людей до него не заглядывалъ—во святое святыхъ человѣческой совѣсти. И онъ увидѣлъ или ему кажется, что онъ увидѣлъ „ничто“, пустое мѣсто, пустой воздухъ, бѣлыя голыя стѣны. Въ такой мѣрѣ онъ этого не ожидалъ: когда онъ шелъ попробовать, то вѣдь все-таки сомнѣвался—иначе и пробовать было бы не зачѣмъ—и не только сомнѣвался, но, можетъ быть, и надѣялся, даже прямо желалъ, конечно самъ того не подозрѣвая, чтобы не такъ то было „просто“, какъ ему кажется „взять все за хвостъ и сѣрѣнуть къ чорту“. И вотъ онъ узналъ навѣрно, что извнѣ это дѣйствительно очень трудно и опасно, но зато внутри—а внутри-то для него самое важное, единственно важное— еще гораздо проще, чѣмъ онъ предполагалъ. Отъ этой-то простоты ему и сдѣлалось страшно: ему сдѣлалось страшно оттого, что вообще нѣть ничего страшнаго. Ужасъ имъ овладѣлъ, большие котораго въ мірѣ нѣть, и отъ котораго бѣжитъ вся природа—ужасъ пустоты, ужасъ ничего“.

Эти выводы Мережковскаго мы должны признать несответствующими дѣйствительному настроенію Раскольникова. „И неужели, говорилъ Раскольниковъ, ты думаешь, Соня, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что если ужъ началь я себя спрашивать и допрашивать, имѣю-ль я право и власть имѣть, то, стало быть, не имѣю права власть имѣть. Или, что если задаю вопросъ: вошь-ли человѣкъ? то, стало быть, ужъ не вошь человѣкъ для меня, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ, и кто прямо безъ вопросовъ идетъ... Ужъ если я столько дней промучился, пошелъ-бы Наполеонъ или нѣть? такъ вѣдь ужъ ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ... заранѣе предчувствовалъ, что скажу себѣ это уже послѣ того, какъ убью! Да развѣ съ этакимъ ужасомъ что-нибудь можетъ сравниться! О, пошлость! О, пошлость“!

Ужасъ пустоты, ужасъ неимовѣрной легкости, воздушности, беспредѣльности—это со стороны Мережковскаго не наблюденіе надъ Раскольниковымъ, а фантазированіе.

Въ томъ, что Раскольниковъ не вынесъ свободы, Мережковскій видѣтъ его слабость. „Трагедія Раскольникова заклю-

чается не въ томъ, что, вообразивъ себя бронзовымъ, оказался онъ перстнымъ, но лишь въ томъ, что тѣло у него дѣйствительно все не изъ бронзы, а душа не вся изъ бронзы, и ошибка его не въ томъ, что онъ полѣзъ въ новое слово, а лишь въ томъ, что онъ полѣзъ и въ новое дѣйствіе, тогда какъ рожденъ былъ только для нового слова. Впрочемъ, и это противорѣчіе, этотъ разрывъ созерцанія и дѣйствія—вовсе не личная слабость Раскольникова, а слабость вообще всѣхъ людей новой европейской культуры. Наполеонъ слабѣе въ созерцаніи, чѣмъ въ дѣйствіи. Раскольниковъ наоборотъ“.

Мережковскій относится съ сожалѣніемъ къ слабости Раскольникова. И все-же онъ высоко цѣнить его опытъ. Онъ называетъ этотъ опытъ религіознымъ. „Борьба, которая проходитъ въ Раскольниковѣ, неизмѣримо глубже, чѣмъ политика, глубже, чѣмъ нравственность: это борьба двухъ первозданныйшихъ религіозныхъ стихій человѣческаго духа... Не укоровъ совѣсти испугался онъ, а молчанія совѣсти, не подавляющаго сознанія вины своей, а неизмѣримо болѣе подавляющаго сознанія своей невинности, не грозящаго наказанія, а неизбѣжной безнаказанности... Это нашъ ужасъ, наша трагедія, никогда еще не совершившаяся въ мірѣ. новая трагедія свободы, противоположная старой трагедіи совѣсти, новое, открытое нами, какъ-бы четвертое, трагическое измѣреніе міра и духа. Это нашъ ужасъ, и если мы отъ него погибаемъ, то и гордимся вправѣ передъ всѣми вѣками величиемъ этого ужаса“.

Напротивъ, по мысли Достоевскаго въ слабости Раскольникова его спасеніе. Чѣмъ болѣе Раскольниковъ возмущается предъ насильственной карою отъ людей („тѣмъ-то вѣдь и ужасна внѣшняя кара закона, что отнимаетъ у преступника всякую возможность внутренняго добровольнаго искупленія“); чѣмъ сильнѣе презираетъ онъ свою слабость, свою пошлость, чѣмъ болѣе страдаетъ онъ отъ сознанія: „не вошь человѣкъ для меня, а самъ я сквернѣе и гаже, чѣмъ убитая вошь“; тѣмъ вѣрнѣе онъ въ глазахъ Достоевскаго идетъ по пути спасенія. До послѣдней строки романа Раскольниковъ не знаетъ спасительности своихъ страданій, не подозрѣваетъ, и въ этомъ его трагедія; но Достоевскій ведетъ своего героя безошибочно. Въ нагло-откровенномъ Пор-

фири съ его жестокими словами о Раскольниковѣ: „пусть его погуляетъ пока, пусть,—вѣдь я и безъ того знаю, что онъ моя жертвочка“ проглядываетъ образъ автора.

Оцѣнкѣ опыта Раскольникова съ точки зрењія самого Достоевскаго помогаетъ замѣчательный параллелизмъ его преступленія съ преступлениемъ Сони. „Развѣ ты не тоже сдѣлала? говорить ей Раскольниковъ. Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... Свою (это все равно!). Ты могла жить духомъ и разумомъ, а кончишь на Сѣнной... Мы вмѣстѣ прокляты, вмѣстѣ и пойдемъ—по одной дорогѣ!“ Въ лицѣ Сони менѣе всего можно видѣть жрицу свободной любви, разгульного веселья, ея преступленіе менѣе всего состояло въ нравственной пустотѣ, воздушности, безпредѣльности; она — жертва общественнаго строя, общественной нужды, она брошена обществомъ въ пасть разврата. Она „великая грѣшница“, но и ея преступленіе не виѣшне-противозаконническое, не виѣшне-юридическое, а внутреннее, противъ своей личности, и ея проклятие внутреннее,—то, что она стала жить жизнью „безъ духа и разума“. Таково же, какъ преступленіе, такъ и проклятие Раскольникова: онъ „принципъ убилъ“. Юридически - законническая невинность, невиновность предъ людьми, и внутреннее проклятие—вотъ тяжесть Раскольникова, которую Мережковскій тенденціозно проглядѣлъ.

Въ лицѣ Раскольникова мы должны видѣть, говоря научнымъ языкомъ, отрицателя морали утилитарной, законнической, и носителя морали автономной. Столкновеніе той и другой морали, переходъ отъ морали общественно-законнической, общественно-utiлитарной къ морали разумно-автономной—вотъ главная тема романа Преступленіе и Наказаніе. И эта тема раскрыта Достоевскимъ съ такою тонкостью, которую тѣмъ болѣе восхищаешься, чѣмъ болѣе изучаешь преступленіе Раскольникова. Поразительна эта тонкость при той сложности и запутанности, въ которой выступаютъ и въ дѣйствительности, и въ романѣ, эти двѣ морали. Повидимому одна незамѣтно переходитъ въ другую, и въ этомъ дана возможность искушенія, предъ которымъ не устоялъ Раскольниковъ.

Легкими штрихами въ романѣ отмѣчается сердечность Раскольникова, его любвеобильность. Было бы грубою ошиб-

кою со стороны критики соблазниться этою легкостью и признать въ сердечности Раскольникова второстепенную черту. Эта легкость кричить, обращаеть на себя особенное вниманіе, подобно шипящему свисту на рыночномъ шумѣ. Вотъ жемчужины Раскольниковской любви: онъ любить мать и сестру, даеть деньги Мармеладовыимъ при первомъ посѣщеніи— „загребъ сколько пришлось мѣдныхъ денегъ“ (при своей крайней нищетѣ), вступается за пьяную дѣвушку—20 копѣекъ городовому, плачетъ во снѣ надъ клячей, даеть пятакъ уличной пѣвицѣ, три пятака Дукилѣ, отдаеть на похороны Мармеладова послѣднія деньги, присланныя ему матерью, отдаеть „уцѣлѣвшій пятакъ“ нищей—и это въ то время, когда душа его разрывалась отъ мученій. Въ высшей степени примѣчательна и любовь Раскольникова къ своей бывшей невѣстѣ. „Больная такая дѣвочка была, вспоминаетъ самъ Раскольниковъ,—совсѣмъ хворая; нищимъ любила подавать и о монастырѣ все мечтала, и разъ залилась слезами, когда мнѣ объ этомъ стала говорить... Дурнушка такая собою. Право не знаю, за что къ ней я тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ“. Уже во время суда „бывшій студентъ Разумихинъ откопаль откуда-то свѣдѣнія и представилъ доказательства, что преступникъ Раскольниковъ, въ бытность свою въ университѣтѣ, изъ послѣднихъ средствъ своихъ помогалъ одному своему бѣдному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержалъ его въ продолженіе полугода. Когда же тотъ умеръ, ходилъ за оставшимся въ живыхъ, старымъ и разслабленнымъ отцомъ умершаго товарища (который содержалъ и кормилъ своего отца своими трудами), помѣстилъ, наконецъ, этого старика въ больницу, и когда тотъ тоже умеръ, похоронилъ его... Сама бывшая хозяйка Раскольникова, мать умершой невѣсты его, вдова Зарницына, засвидѣтельствовала тоже, что когда они еще жили въ другомъ домѣ, у Пяти Угловъ, Раскольниковъ, во время пожара, ночью, выташилъ изъ одной квартиры, уже загорѣвшейся, двухъ маленькихъ дѣтей, и былъ при этомъ обожженъ. Этотъ фактъ былъ тщательно разслѣдованъ и довольно хорошо засвидѣтельствованъ многими свидѣтелями“. Раскольниковъ это рыцарь жалости, христіанской

любви. Преступлениe его—преступлениe человѣка съ любве-обильнымъ сердцемъ. „Не вошь человѣкъ для меня“, говорить Раскольниковъ (подчеркнуто у Достоевского). „Да какъ вы, говорить Соня Раекольникову,—вы, такой... (курсивъ Достоевского) могли на это рѣшиться?.. Да что это!“ Правда, отмѣчается также жестокость Раскольникова. Разумихинъ отзыается о немъ: „Великодушенъ и добръ. Иногда, впрочемъ, холоденъ и безчувственъ до безчеловѣчія, точно въ немъ два противоположные характера смѣняются“. Это „соприкосновеніе противоположностей“ Мережковскій схватываетъ съ жадностью. Онъ видитъ въ Раскольниковѣ то же „совпаденіе красоты въ обоихъ полюсахъ“, какъ и въ Свирдигайлова, Ставрогина. Онъ придаетъ первенствующее значеніе въ характерѣ Раскольникова его наполеоновской жестокости, считая его сердечность „слабымъ остаткомъ“ человѣчности. Но это крайне тенденціозное, ложное освѣщеніе характера Раскольникова. Мережковскій проглядываетъ (вѣдь не намѣренno?) то обстоятельство, что кромѣ единственнаго преступленія—убийства старухи и ея сестры, котораго онъ „не вынесъ“, во всемъ романѣ не указано ни одного факта жестокости Раскольникова, (такъ же, какъ совсѣмъ не дѣлается намека на сладострастіе), напротивъ отмѣчается съ ударениемъ, что доброта въ немъ была сердечная, а жестокость—умственная, отвлеченная. „Онъ былъ молодъ, отвлечененъ и, стало быть, жестокъ“. Его мечты о Наполеонѣ, о безчеловѣчіи героеvъ — это отвлеченныя мечты. Въ частности, и его преступлениe имѣетъ тотъ же двойной характеръ. Съ одной стороны оно сердечно связано съ его добротою. „Единичное зло и сто добрыхъ дѣлъ“, говоря словами Свирдигайлова. Преступлениемъ, по словамъ самого Раскольникова, онъ „хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достичь средствъ, и тамъ все бы загладилось неизмѣримою, сравнительно, пользою“. Съ другой стороны, въ основѣ его преступленія лежала мысль о героизмѣ, о томъ, что пророку все позволено. Эту двойственность въ характерѣ преступленія слѣдуетъ имѣть въ виду,—и нужно при этомъ обратить особое вниманіе на то, что доброта въ немъ была сердечная, а мечты о Наполеонѣ—отвлеченныя. Эта двойственность такъ именно оцѣнивается и самимъ Раскольниковымъ. Послѣ преступле-

нія онъ называетъ свои мечты о Наполеонѣ въ „прямой“ рѣчи съ Соней вздоромъ: „Это все вздоръ, почти одна болтовія“. Главное—заботы о матери и сестрѣ. „Я хотѣлъ добра людямъ“. Но и тогда эти мечты, какъ мысль, онъ одобряетъ: „вся эта мысль была вовсе не такъ глупа“. По отвлеченности мечты о Наполеонѣ преступленіе Раскольникова было плодомъ теоріи. „Игравая острота ума и отвлеченные доводы разсудка васъ соблазняютъ-сь“, говоритъ ему Порфирий. По ясновидѣнію этого прозорливца, Раскольниковъ при своихъ отвлеченныхъ выкладкахъ ошибся въ „дѣйствительности и натурѣ“ своей. „Тутъ, говорить онъ о преступленіи Раскольникова,—книжная мечты-сь, тутъ теоретически раздраженное сердце; тутъ видна рѣшимость на первый шагъ, но рѣшимость особаго рода,—рѣшился, да какъ съ горы упалъ, или съ колокольни слетѣлъ, да и на преступленіе-то словно не своими ногами пришелъ“. Онъ „теорію выдумалъ“. И Свидригайлова говорилъ Дунѣ: „тутъ своего рода теорія... Собственная теорійка; такъ себѣ теорія“. Но кромѣ этой отвлеченной мечты въ Раскольниковѣ, въ его преступленіи, живое нравственное начало. Въ немъ борется нравственность съ казуистикой, которая „выточилась какъ бритва“. Ему прежде всего важно „нравственное разрѣшеніе вопроса“. Теоретичность преступленія—это его высшая сознательность; но для идеи романа имѣть существенное значеніе не сама по себѣ теоретическая сознательность, приводящая къ безвоздушности, къ бѣлой стѣнѣ, а нравственная окраска сознанія. Раскольникову хотѣлось не просто перешагнуть, а „разрѣшить своей совѣсти перешагнуть чрезъ иные препятствія, и единствено въ томъ только случаѣ, если исполненіе идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ“. Не безвоздушная сознательность, а сознательность преступленія при свѣтѣ совѣсти—вотъ въ чёмъ единственная оригинальность Раскольникова. „Что дѣйствительно оригинально (курсивъ Достоевскаго) во всемъ этомъ,—говорилъ Раскольникову Разумихинъ,—и дѣйствительно принадлежитъ одному тебѣ, къ моему ужасу, это то, что все-таки кровь *по совѣсти* разрѣшаешь... Вѣдь это разрѣшеніе крови *по совѣсти*, это... это по моему страшнѣе, чѣмъ бы официальное разрѣшеніе кровь проливать, законное“.

Этическая точка зре́нія играла въ Преступлениі и Наказаніи первенствующую роль. „Я хотѣлъ Наполеономъ сдѣлаться, оттого и убилъ.—Я задалъ себѣ одинъ разъ такой вопросъ: что если-бы, напримѣръ, на моемъ мѣстѣ случился Наполеонъ, и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монъ-Бланъ, а была бы, вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто-запросто, одна какая-нибудь смѣшная старушонка регистраторша, которую еще вдобавокъ надо убить, чтобы изъ сундука у нея деньги стащить, ну, такъ рѣшился-ли бы онъ на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился-ли бы оттого, что это ужъ слишкомъ не монументально и грѣшно?“.... Въ эти слова нужно вникнуть. Чѣмъ ничтожнѣе эта старушонка, регистраторша, ростовщица, тѣмъ сильнѣе вырисовывается любовь Раскольникова къ человѣку. „Не вошь человѣкъ для меня“. Это *основной тонъ всего романа*. Эстетика скрываетъ нравственность; великолѣпіе войны, громъ пушекъ требуютъ громадной толпы, но совершенно скрываютъ человѣка. Нужно бросить эстетику, чтобы добраться до человѣка, до этики. „Я рѣшительно не понимаю: почему лупить въ людей бомбами правильною осадою—болѣе почтенная форма? Боязнь эстетики есть первый признакъ безсилія!“ Раскольниковъ отбросилъ эстетику, онъ замѣтилъ себѣ жалкую старушонку и онъ сталъ сильнѣе Наполеона. „Я наконецъ догадался, что не только его не покорило бы, но и даже и въ голову бы ему не пришло, что это не монументально ...и даже не понять бы онъ совсѣмъ, чего тутъ коробиться“. Но эта-то кажущаяся сила великаго Наполеона есть его дѣйствительное безсиліе, а слабость Раскольникова—его сила. Наполеонъ и не замѣтилъ бы немонументальности этого преступленія, потому что онъ не зналъ цѣнности человѣка. Для него человѣкъ былъ *вещью*. Поэтому для Наполеона переходъ отъ Тулона и Египта къ старушонкѣ былъ бы переходомъ отъ великаго къ смѣшному. Но для Раскольникова это есть переходъ отъ эстетически-величественнаго къ нравственно-великому. Онъ замѣтилъ ничтожество старухи, потому что онъ видѣлъ въ ней человѣка. Святость человѣка для человѣка въ этой немонументальной формѣ предстала Раскольникову съ силою категорического императива. На это Мережковскій не обратилъ вниманія и тѣмъ оказался

несравненно ниже Достоевского, ниже его мысли. „Предъ Наполеономъ, пишетъ Мережковскій, у Раскольникова есть даже *иное* преимущество; онъ видѣтъ не только виѣшнія, но и внутреннія преграды, задержки, которыя долженъ преступить, чтобы право имѣть. Наполеонъ ихъ вовсе не видѣтъ. Можетъ быть впрочемъ, эта слѣпота и была *отчасти* источникомъ силы его“... Нѣкоторое? отчасти? только? Нѣть, все величие Наполеона въ его слѣпотѣ и все преимущество Раскольникова въ ясности его сознанія. Противъ общественно-нравственного закона Наполеонъ шелъ съ полнымъ сознаніемъ, но внутренне-разумнаго сознанія святости человѣческой личности у него не было. Раскольниковской проблемы никогда предъ нимъ не могло возникнуть. Напротивъ для Раскольникова самый роковой вопросъ—святость человѣка для человѣка. Вопросъ Преступленія и Наказанія это вопросъ, можно ли соединить свободу Наполеона съ сознаніемъ Раскольникова. Прежде, въ Вѣчныхъ Спутникахъ Мережковскій это понималъ лучше, хотя и не вполнѣ. „Есть что-то поистинѣ ужасающее и почти нечеловѣческое въ такихъ фанатикахъ идеи, какъ Робеспьеръ и Кальвинъ. Посылая на костеръ за Бога или подъ гильотину за свободу тысячи невинныхъ, проливая кровь рѣкой, они искренно считаютъ себя *благодѣтелями* человѣческаго рода и *великими праведниками*... Корсаръ, Жюльенъ постоянно рисуются, какъ будто играютъ роль, *наивно* вѣрять въ свою правоту и силу. А герой Достоевскаго уже сомнѣвается, правъ ли онъ. Тѣ умираютъ непримирами, а для него это состояніе гордаго одиночества и разрыва съ людьми только временный кризисъ, *переходъ къ другому міросозерцанію*“. Но уже и тогда Мережковскій видѣлъ этотъ переходъ не въ томъ, въ чёмъ онъ дѣйствительно состоить. „Раскольниковъ дошелъ путемъ ожесточеннаго протesta до отрицанія нравственныхъ законовъ, до того, что наконецъ свергъ съ себя, какъ ненужное бремя, какъ предразсудокъ, всѣ обязательства долга. На этой ледяной теоретической высотѣ, въ этомъ одиночествѣ, кончается всякая жизнь. И Раскольниковъ неминуемо долженъ бы погибнуть, если бы въ душѣ его не было скрыто другое начало. Достоевскій довелъ его до момента, когда въ немъ пробуждается подавленное, но не убитое религиозное чувство“. Итакъ, другое начало, будто, только въ концѣ про-

буждается, а во время преступления оно подавлено. Но это слишкомъ вяло для Раскольникова. Другое начало на самомъ дѣлѣ уже дѣйствуетъ въ немъ во время преступления, доставляя ему глубокія страданія и не допуская его до ледяной высоты. „Настоящіе герои, великие преступники закона не плачутъ и не умиляются. Кальвинъ, Робеспьеръ, Торквемада не чувствовали чужихъ страданій—въ этомъ ихъ сила, ихъ цѣльность; они какъ будто выскочены изъ одной глыбы гранита; а въ герояхъ Достоевского есть уже *въчныи* источникъ слабости—раздвоенность, расколотость воли... Горе великимъ преступникамъ закона, если въ ихъ душѣ, сожженной страстью идеи, сохранилось хоть что-нибудь человѣческое! Горе людямъ изъ бронзы, если хоть одинъ уголокъ ихъ сердца *остался живымъ!* Довольно слабаго крика совѣсти, чтобы они проснулись, поняли и погибли“. Вотъ къ чему свелось новое міросозерцаніе — къ слабому остатку совѣсти, къ исконной раздвоенности! Это слишкомъ слабо для Достоевского! Нѣть, отличіе Раскольникова отъ Наполеона не въ слабыхъ остаткахъ прошлаго, а въ совершенно новомъ принципѣ. „Фанатизмъ идеи только одна сторона его характера. Въ немъ есть и нѣжность, и любовь, и жалость къ людямъ, и слезы умиленія. Вотъ въ чемъ его слабость, вотъ что его губить“. Но въ этой слабости новая сила Раскольникова, которая его не губить, а спасаетъ, которая возносить его выше Наполеона. Дѣло въ томъ именно, что его жалость къ людямъ не есть лишь слабый отзвукъ природы, остатокъ прошлаго, но это новый принципъ, сознанный въ своей абсолютности. Чтобы понять Раскольникова не нужно опускаться ниже Наполеона, но нужно идти дальше: въ Раскольниковѣ весь Наполеонъ, но онъ болѣе, чѣмъ Наполеонъ. „Преступлени? говорить Раскольниковъ... Какое преступлени?... То, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушенку - процентщицу, которую убить сорокъ грѣховъ прощается, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, — и это-то преступлени?“ Да, преступлени; даже такой человѣкъ не вошь для человѣка, даже такого человѣка убить значить принципъ убить. Это не отзвукъ природной жалости, это любовь, возведенная на высоту абсолютнаго принципа. Этика съ характеромъ автономной абсолютности, на высотѣ религіознаго принципа— вотъ сущность Раскольникова, вотъ сила, предъ которой усту-

паетъ своеволіе Наполеона. Геній и эстетика должны стушеваться предъ немонументальною абсолютностью автономной этики. Неэстетично, и потому тяжело, въ этомъ трагедія. Но это муки новаго рожденія, муки перерожденія Наполеона въ Алешу Карамазова. „Истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачите и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Женщина, когда рождается, терпить скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнить скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“. Вмѣсто зловредной вши, старушонки-процентщицы, родился человѣкъ въ душѣ Раскольникова, не вынесшаго преступленія, потому что для него человѣкъ не вошь. На мѣсто монументальной эстетики великаго своеволія новая красота внутренней силы, автономнаго разума. „Все мнѣ позволено, но не все“ я хочу. На мѣсто безграничнаго своеволія безграничное и свободное самоограниченіе. Наполеонъ, Торквемада, Робеспьеръ это образы прошлаго, это зерно, которое должно сгнить въ сердцѣ Раскольникова, чтобы народился Алеша Карамазовъ. Они оправдываются въ сердцѣ Раскольникова, но оправданіе прошлаго не даетъ своеволія для будущаго; оправдываясь какъ природное, эстетическое явленіе прошлаго, эти образы исчезаютъ въ нравственной силѣ будущаго. Понять Раскольникова какъ типъ, слабѣйший Наполеона, значитъ возвратиться къ Неронамъ и Робеспьерамъ. Нужно понять его какъ внутренно-сильнѣйший типъ. „Все хорошо, говорилъ Кирилловъ („Бѣсы“).—Человѣкъ несчастливъ потому, что онъ не знаетъ, что онъ счастливъ, только потому. Кто съ голоду умретъ и кто обидить и обезчестить дѣвочку—хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо; и кто не размозжить, и то хорошо... Должно не только терпѣть, но и любить необходимое“. Но вѣдь это только по отношенію къ прошлому, только созерцаніе прошлаго, только мертвая точка настоящаго,—для дѣйствія въ будущемъ, для жизни нужно иное. „Они не хороши, говорилъ Кирилловъ далѣе,—потому, что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ насиливать дѣвочку. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ до единаго“. Такъ и для Кириллова рокъ—въ прошломъ, добро—въ будущемъ. И это иное, равное року въ прошломъ, столь же абсолютное и несокруши-

мое, хотя и внутреннее, нѣжное, слабое,—это человѣческая автономія. Это не „что-нибудь человѣческое“, это „человѣческое, слишкомъ человѣческое“, это — человѣческое на ступени абсолютнаго, божественнаго, это—нравственное на высотѣ религіознаго. Это именно свое у человѣка до абсолютности, до божественности, до неотъемлемости. „Раскольниковъ, по мнѣнію Мережковскаго, испыталъ подобное тому, что долженъ бы испытать человѣкъ, который вдругъ потерялъ бы ощущеніе вѣса и плотности своего тѣла: никакихъ преградъ, никакихъ задержекъ; всюду пустота, воздушность, безпредѣльность; ни верху, ни низу; никакой точки опоры“. Это, сказали мы, фантазированіе Мережковскаго. До такого состоянія Раскольниковъ не дошелъ, потому что другое начало въ немъ уже дѣйствовало во время преступленія. Конечно, то состояніе, если бы онъ „вынесъ“ преступленіе, предполагается, только предполагается,—но это не состояніе воздушности, беспочвенности, а состояніе бездушности, безсмысленности, какъ если бы человѣкъ духовно „убилъ себя“, призвалъ на себя безуміе, вырвалъ собственное сердце, осквернилъ свою святыню, „убилъ свой принципъ“, остался „безъ разума и духа“. Сознавать приближеніе безумія это—величайшее страданіе, но разумно желать безумія невозможно. И раскольниковъ убилъ лишь руками, но „не вынесъ“ преступленія, поэтому на самомъ дѣлѣ своего принципа онъ не убилъ, какъ не мертвa была и Соня, „живя въ грязи, которую ненавидѣла“. Вмѣстѣ съ этимъ нужно также признать жалкою фантазіей и разсужденіемъ Мережковскаго объ одиночество Раскольникова: по его мнѣнію, это—одиночество достигнутой высоты по ту сторону добра и зла. Правда, Раскольниковъ послѣ преступленія не можетъ выносить общества матери и сестры, но это было для него „безвыходное и тяжелое уединеніе“. Да и уединеніе это было не безусловно, и это самое главное. Въ то время какъ „мысль о Дунѣ и матери наводила на него панический страхъ“, онъ искалъ общества Сони, которая стала для него „свою“. „У меня одна ты теперь, говорилъ онъ ей... Я пришелъ къ тебѣ. Мы вмѣстѣ прокляты, вмѣстѣ и пойдемъ. Никто ничего не пойметъ изъ людей, если ты будешь говорить имъ, а я понялъ. Ты мнѣ нужна, потому я къ тебѣ и пришелъ... Ты тоже переступила. Но ты выдержать не мо-

жешь, и если останешься одна, сойдешь съ ума, какъ и я. Стало быть, намъ вмѣстѣ итти, по одной дорогѣ“. Ну, есть ли здѣсь хоть одинъ намекъ на „могущество и единеніе“! Почему Раскольниковъ, ища общества Сони, избѣгалъ матери и сестры, это для Сони было очень понятно. „А жить-то, говорила она ему,—жить-то какъ будешь? Жить-то съ чѣмъ будешь? Развѣ это теперь возможно? Ну, какъ ты съ матерью будешь говорить? (О, съ ними-то, съ ними что теперь будетъ!) Да что я! Вѣдь ты ужъ бросиль мать и сестру. Вотъ вѣдь ужъ бросиль же, бросилъ. О, Господи! воскликнула она.—Вѣдь онъ уже это все знаетъ самъ! Ну какъ же, какъ же безъ человѣка-то прожить! Что съ тобой теперь будетъ!“ Въ этихъ же чувствахъ Раскольникова, въ его отношеніи къ матери и сестрѣ, и особенно къ Сонѣ, въ его природѣ, въ его сердечности — лежитъ причина его возрожденія. Съ точки зрѣнія Достоевскаго, воскресеніе Раскольникова болѣе всего понятно, вполнѣ естественно, совершенно безыскусственно. Раскольниковъ страдаетъ потому, что его природа не отвѣчаетъ его отвлеченнымъ мечтамъ, его мысли,—онъ презираетъ себя по своей теоріи. Затѣмъ, онъ страдаетъ отъ тѣхъ, кого любить. „Идя къ Сонѣ, онъ чувствовалъ, что въ ней вся его надежда и весь исходъ; онъ думалъ сложить хоть часть своихъ муки, и вдругъ теперь, когда все сердце ея обратилось къ нему, онъ вдругъ почувствовалъ и созналъ, что онъ сталъ безпримѣрно несчастнѣе, чѣмъ былъ прежде“. Равнымъ образомъ, ему не удавалось и отчужденіе отъ матери и сестры. Временная ненависть къ нимъ была кажущаяся, подъ нею скрывалась любовь, вскорѣ снова выплывшая наверхъ. „О, восклицалъ онъ,—если бы я былъ одинъ, и никто не любилъ меня, и самъ бы я никого никогда не любилъ! Не было бы всего этого“, т.-е. страданій, которыя заставили его открыться. Раскольниковъ не догадывается, что то (внутреннее) страданіе и это страданіе было одно и то же: любовь, которая тяжестью сковывала его отвлеченную мысль,—любовь дѣлала для него страданіями отношенія къ Сонѣ и роднымъ. Онъ также не понималъ, что въ возрастаніи этихъ страданій, когда онъ сталъ еще несчастнѣе отъ взаимной любви, особенно отъ любви къ Сонѣ, было его воскресеніе. Онъ воскресъ тогда, когда его любовь достигла абсолютности, безко-

нечности. Какъ это глубочайше правдиво, глубочайше по-христіански. Раскольниковъ на поверхности своего сознанія, въ своихъ мысляхъ до конца презираеть свое малодушіе, а въ то же время въ глубинѣ его души растетъ его любовь. И незамѣтно для него подошло воскресеніе. „Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что-то какъ бы подхватило его и какъ бы бросило къ ея ногамъ (Сони). Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни. Въ первое мгновеніе она ужасно испугалась, и все лицо ея помертвѣло. Она вскочила съ мѣста и, задрожавъ, смотрѣла на него. Но totчасъ же, въ тотъ же мигъ она все поняла. Въ глазахъ ея засвѣтилось безконечное счастіе; она поняла, и для нея уже не было сомнѣнія, что онъ любить, *безконечно любить ее*, и что настала же, наконецъ, эта минута“. Вотъ это слово-любить и объясняетъ воскресеніе. Тутъ не въ мысляхъ его перемѣна произошла, не одна теорія побѣдила другую, а „жизнь наступила вмѣсто діалектики“. И какъ это у Достоевскаго именно безыскусственно: на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ онъ показываетъ намъ послѣдніе отзвуки внутренней драмы Раскольникова, его теоретическое презрѣніе къ своему малодушію и эту воскрешающую силу любви. Критику нужно сдѣлаться рабомъ своей идеи, чтобы видѣть здѣсь у Достоевскаго „неискусную приставку“!

Свѣтлое человѣчески-божественное прежде всего противоположно стихійно-бессознательному, величественно-эстетическому. Но у него есть еще другая противоположность—общественно-utiлитарная. Наполеоны и Робеспьеры, посыпая тысячи на костеръ, нарушая общественно-моральные законы, могли считать себя благодѣтелями человѣчества, потому что у нихъ и отрицаніе и утвержденіе относились къ той же области: однихъ рѣзали, чтобы другимъ было хорошо. То и другое соизмѣримо. Иное дѣло при новомъ измѣреніи, когда достоинство личности возносится на высоту религіозную. Здѣсь уже личность является несоизмѣримою съ общественно-utiлитарнымъ. А между тѣмъ, повидимому, границы здѣсь нельзя провести. Въ этомъ—искушеніе. „Я хотѣлъ только первый шагъ сдѣлать—поставить себя въ независимое положеніе, достичь средствъ, и тамъ все бы загладилось неизмѣримою, сравнительно, пользою. Я хотѣлъ добра людямъ“. Для добра людямъ, для пользы обществу—убить одну мерз-

кую старушонку: развѣ это не соблазнительно? И вотъ, при видимой соблазнительности, оказывается нельзя: убить старушонку оказывается убить принципъ. Человѣкъ выше общества; старушонка, какъ человѣкъ, выше общественной пользы: любовь къ человѣку выше любви къ людямъ, къ обществу. Только въ человѣкѣ абсолютное, но не въ общественно-utiлитарномъ. Это—религія. Это личная религія, духовная, а не религія толпы. Что именно въ этомъ одновременномъ отрицаніи утилитарной этики и утвержденіи святости личности была религія для Достоевскаго, это видно изъ слѣдующихъ словъ его Пушкинской рѣчи. „Какое можетъ быть счастье (и для самого дѣятеля, и для общества), если оно основано на чужомъ несчастії? Позвольте, представьте, что вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только одно человѣческое существо, мало того—пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого-нибудь... И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить и на слезахъ (его) возвести наше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіѣ? И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которыхъ выстроили это зданіе, согласились бы сами принять отъ васъ такое счастіе, если въ фундаментѣ его заложено страданіе, положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго и, принявъ это счастье, остаться навѣки счастливыми? Тутъ... перейти предѣла нельзя“. Такъ Достоевскій возносить добро съ утилитарной низости до религиозной высоты личной святыни. Для него абсолютная цѣнность въ человѣческой личности, въ человѣческой жизни, все равно—въ чужой или своей; здѣсь единственное преступленіе—гибель жизни, все равно, своей или чужой. Раскольниковъ убилъ чужую жизнь; Соня „умертвила и предала себя“ ради другихъ: умертвила, потому что потеряла „жизнь духомъ и разумомъ“, и потому умертвила себя напрасно, личностью своею пожертвовала для общественной пользы. Она—великая грѣшница и ея проклятие одинаково съ проклятиемъ Раскольникова. Въ святости личности предѣлъ жертвы. Жертва для другого должна

быть безпредѣльною физически, любовь—до смерти, но не до погубленія чужой жизни, не до потери своей духовной личности. При истинной жертвѣ духовная личность возврашается до абсолютности. „Кто потеряет душу свою ради Меня, тотъ обрѣтеть еї“. Эта любовь къ человѣку выше общественно-utilitarного закона. Равнымъ образомъ, и страданіе отъ преступленія противъ этой любви глубже юридического наказанія. Вотъ почему Раскольниковъ не признаетъ себя виновнымъ предъ людьми, виновнымъ съ точки зре-
нія общественно-законнической.

„Совершенная безнравственность“ какъ религія есть совершенная нелѣпость. Ошибка Мережковскаго въ томъ, что онъ свободу плоти отожествляетъ съ безнравственностью; онъ хочетъ быть язычникомъ болѣе, чѣмъ сами язычники. Единственный принципъ нравственности—человѣкъ человѣку святыня; единственный видъ безнравственности—убийство въ прямомъ и широкомъ смыслѣ этого слова, грѣхъ противъ своей духовной личности и противъ чужой жизни. Нравственность предполагаетъ аскетизмъ, какъ гигіену духа и какъ условіе общественной жизни, но никаколько не требуетъ аскетизма, какъ специфического духовнаго подвига. Язычники, жившіе свободною плотскою жизнью, имѣли нравственность, „по природѣ дѣлали законное, были сами себѣ законъ.“ Несовершенство дохристіанской нравственности объясняется степенью культуры, но не языческою плотскою свободою. Въ силу сложныхъ историческихъ условій борьбы съ язычествомъ въ историческомъ христіанствѣ святость и нравственность стали отожествляться съ аскетизмомъ, съ подавленіемъ плоти. Мережковскій правъ, когда онъ вооружается противъ этой односторонности исторического христіанства; но онъ впадаетъ въ ту же ошибку, когда религіозную свободу плоти понимаетъ какъ безнравственность. Это, вѣроятно, простое вліяніе моднаго Ницше, который великъ, какъ критикъ utilitarной морали, но слишкомъ слабъ, какъ критикъ христіанства, потому что оно для него совпадало съ utilitarной моралью. Ницше и его ученики ниже Достоевскаго въ пониманіи христіанства. Какъ бы то ни было, религія, какъ совершенная безнравственность, есть совершенная нелѣпость. Когда видишь потуги Мережковскаго опредѣлить эту религію, то онъ является до крайней степени жалкимъ.

ходульнымъ. Онъ смотритъ на Наполеона религіозно, свято. „Въ эгоизмѣ Наполеона, безумномъ или животномъ съ точки зрењія нравственности позитивной, не желающей быть и не смѣющей не быть христіанской, скрывается, съ иной точки зрењія, нечто высшее, потустороннее, первозданное, премірное—религіозное“. Но все же есть предѣлъ этому восторгу. „И если онъ погибъ, продолжаетъ Мережковскій о Наполеонѣ, то не потому, что слишкомъ, а потому, что все-таки недостаточно любилъ себя, любилъ себя не до конца, не до Бога, не вынесъ этой любви, ослабѣль, потерялъ равновѣсіе и, хотя на одно мгновеніе, самъ себѣ показался безумнымъ, смѣшнымъ. Отъ этого маленькаго сомнѣнія въ себѣ, а не отъ великой вѣры въ себя, онъ и погибъ“. Разумѣется то, что Наполеонъ завидовалъ Александру, который, покоривъ Азію, объявилъ себя народу сыномъ Юпитера, и весь Востокъ повѣрилъ ему. „Ну, а я, если бы въ настоящее время я вздумалъ объявить себя сыномъ Бога Отца,—неТЬ такой рыночной торговки въ Парижѣ, которую я не былъ бы освистанъ“. И вотъ этой слабости Мережковскій не можетъ простить Наполеону. Ахъ, если бы онъ не усомнился... Но что же тогда произошло бы?! Вотъ это - то и безсиленъ выразить Мережковскій, потому что за всѣми его ходульными восклицаніями скрывается „совершенная легкость, безвоздушность, пустота“, безмыслие. Ну, если бы Наполеонъ объявилъ себя сыномъ Юпитера, то, въ случаѣ успѣха, вышло бы повтореніе Александра, Нерона, Калигулы... и только. Вѣдь все это уже было. „Взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престоль мой, и сяду на горѣ въ сонмѣ богоў, и буду подобенъ Всевышнему“: это уже было! Это было антитеистически и эстетически величественно, но мечтать о повтореніи этого безумно. Въ этихъ своихъ словахъ Наполеонъ геніально-уменъ. Въ дни нашей культуры богословство Наполеона было бы смѣшнымъ. Мы уже не можемъ видѣть богословней славы въ „монументальной“ эстетикѣ, потому что мы уже знаемъ богословство какъ абсолютную внутреннюю силу. Рядомъ съ Галилеяниномъ—Сыномъ Божіимъ Наполеонъ—сынъ Юпитера можетъ быть только смѣшонъ. Наполеоновское величіе для насъ это не слишкомъ много, а слишкомъ мало. Образъ Наполеона относится къ прошлому, а не къ будущему: онъ эстетически великъ и

міль, какъ дѣтскія сказки, какъ Иванушка-дурачекъ съ его коврами-самолетами, но религіозно ничтожень. Какъ ни обаятеленъ этотъ образъ для толпы, его ничтожество только отгнется ничтожествомъ толпы, ничтожествомъ Николая Ростова съ его: „вели мнѣ сей часъ Аракчеевъ итти на васъ съ эскадрономъ и рубить—ни на секунду не задумаюсь и пойду“. Гдѣ же черта, отдѣляющая въ „религії“ толпы аракчеевское отъ наполеоновского?

Мережковскій восторгается Раскольниковымъ, его безвоз-душностью, легкостью. „Это наша трагедія, нашъ ужасъ, которымъ мы вправѣ гордиться предъ всѣми вѣками“. Но восторгается не до конца. Раскольниковъ „убилъ для себя, для себя одного; если бы онъ могъ прибавить „и для Бога“, то былъ бы спасенъ. Онъ любилъ себя не до конца, не до Бога, и недостаточною, не послѣднею любовью“. Опять ходули, потуги,—опять пустота и безсмыслѣ подъ знаками восклицанія! Конечно, Мережковскій хотѣлъ бы видѣть Раскольникова на высотѣ Ницше; о большей высотѣ своеволія онъ не имѣть ни понятія, ни представленія. Но Ницше для насъ не слишкомъ великъ, а слишкомъ жалокъ. Онъ велиkъ своими страданіями, страданіями свободного духа, но онъ смѣшонъ и жалокъ въ качествѣ Сверхчеловѣка, Человѣкобога. Онъ великъ какъ человѣкъ предъ Богомъ, какъ непокорный во всемъ своемъ ничтожествѣ, но онъ ничтожень и жалокъ въ качествѣ бога, какъ жалокъ бываетъ не-счастный безумный, страдающій маніей величія—въ бумажной коронѣ. „Смыслъ жизни въ силѣ и красотѣ? скажемъ словами В. С. Соловьева,—пусть такъ; но какъ бы мы ни предавались ихъ эстетическому культу, мы не найдемъ въ немъ не только защиты, но даже ни малѣйшаго указанія на возможность какой-нибудь защиты противъ того общаго и неизбѣжнаго факта, который внутренно упраздняетъ эту минимую божественность силы и красоты, ихъ минимую самостоятельность и безусловность—тотъ фактъ, что конецъ всякой здѣшней силы есть безсиліе, и конецъ всякой здѣшней красоты есть безобразіе... Развѣ сила, безсильная предъ смертью, есть въ самомъ дѣлѣ сила? Развѣ разлагающейся трупъ есть красота? Древній представитель силы и красоты (Александръ) умеръ, какъ самая безсильная и безобразная тварь, а новѣйшій поклонникъ силы и красоты заживо пре-

вратился въ умственный трупъ. Отчего же первый не былъ спасенъ своею красотою и силою, а второй своимъ культомъ красоты и силы? И кто же станетъ поклоняться божеству, не спасающему свои воплощенія и своихъ поклонниковъ?..

И здѣсь, на другомъ полюсѣ, въ либеральномъ лагерѣ, мы видимъ тѣ же китайскія церемоніи, тотъ же восточный этикетъ въ богопоклоненіи, какъ и въ консервативномъ старообрядчествѣ,—то же богопоклоненіе безъ нравственности, символъ вмѣсто жизни, мнимую, приписываемую силу вмѣсто дѣйствительной. Мы ищемъ силы, которая дѣйствительно была бы сильна и жива. Такою силою можетъ быть только богосыновля вѣра въ Бога, въ которой безпредѣльное дерзновеніе соединяется съ полнымъ сознаніемъ собственного ничтожества, а не человѣкобожество,—такою силою можетъ быть только вѣра, дѣйствующая этическою любовью. Все еще забавляются мишурнымъ блескомъ, монументальной эстетикой и не хотятъ понять, что нравственность не исчерпывается утилитарною моральною, что въ ней есть собственные глубины, что у нея есть своя абсолютность, что она приводить къ Богу,—мало того, что только чрезъ нее есть доступъ къ Богу. Здѣсь тоже ищутъ абсолютности. „Безконечную любовью нельзя любить ни себя, ни другихъ—можно любить только бесконечное, только Бога. Безконечная любовь къ себѣ, бесконечная любовь къ другимъ есть одна и та же любовь“. Это такъ, но это не значитъ, что любовь къ себѣ становится бесконечной, дѣлаясь безнравственною.—безнравственный эгоизмъ это не бесконечность, а тупикъ. Это значитъ, что нѣть двухъ бесконечностей, но любовь къ себѣ становится бесконечною, совершенно совпадая съ этическою любовью: любить другихъ такъ, погубить себя за другихъ такъ, чтобы въ этомъ обрѣсти себя—это и есть божественная любовь. „Больше этой любви нѣть“. Культъ безнравственного своеволія снова есть тотъ же культь безнравственного мистицизма,—и ужъ, конечно, въ дебряхъ этого мистицизма Мережковскій и старообрядцы близки другъ къ другу. Но что можетъ быть противнѣе безнравственного мистицизма, и что можетъ быть великолѣпнѣе этической религії?

Насъ не удовлетворяетъ ни пошлый утилитаризмъ, ни физиологический мистицизмъ; мы хотимъ этической рели-

гії—не въ томъ смыслѣ, что религія исчерпывается этикой, а въ томъ, что религія возводить нравственность къ абсолютности, что религія выше нравственности, но не безнравственна. Автономная мораль это величайшее культурное пріобрѣтеніе человѣка, котораго не нужно мнѣять ни на какой мистической блескѣ. Не нужно лишь останавливаться на утилитарной морали. Нужно возвести нравственность къ абсолютному началу, какъ это есть въ евангельскомъ христіанствѣ. Для христіанина нѣть закона, но не потому, что ему открыта безнравственность, а потому, что онъ въ свободной любви исполнилъ всякий законъ, стать выше закона. Свобода для него выше нравственного закона, но не въ отрицаніи его. Нравственность образуетъ нижній предѣль духовной религіи. Онъ свободенъ, пока витаетъ выше этого предѣла, но онъ тотчасъ же теряетъ свою свободу, какъ только падаетъ ниже его.

Нравственность, право, культура образуютъ виѣшнюю оболочку религіознаго духа, религіозной личности. До религіозной личности можно дойти только чрезъ культуру, право и нравственность; религія бываетъ живою силою только подъ условiemъ нравственности, права, культуры. Безъ этической культуры нельзя дойти до религіи; но духовная религія выше культуры и нравственности, это та абсолютность, которая лежитъ за предѣломъ общественной культуры, это глубочайшая внутренно-духовная цѣнность. Со стороны въ человѣкѣ цѣннаго ничего нельзя видѣть кроме этической культурности, и мы вправѣ желать и требовать, чтобы религія не являлась безъ этически-культурного одѣянія. Но этою оболочкою религія не исчерпывается, она то внутреннее абсолютно-цѣнное въ личности, обращенное къ Богу, что цѣнно само въ себѣ и придаетъ всему смыслъ.

Нравственность облекаетъ религію и воплощается въ правѣ; она принимаетъ отъ религіи абсолютность и отъ права условность. Нравственность это преимущественно человѣческое дѣло: она безусловна, какъ автономенъ самъ человѣкъ, и ограничена, какъ ограничень человѣкъ. Этическо-религіозное и морально-правовое внутренно сродны и вмѣстѣ различны; они взаимно-обусловлены и вмѣстѣ не представляютъ изъ себя одно плодъ другого. Между ними связь не механически-количественная, а внутренне-свобод-

ная. Безъ этической культуры нѣть истинной религіи, но мѣра культурности не есть тѣмъ самыи мѣра религіозности и религіозность сама собою не создаетъ культурности, подобно какъ безъ физического питанія невозможна духовная жизнь, но мѣра питанія не есть мѣра духовнаго развитія.

Отсюда высшее начало духовной жизни — полная свободы...

M. Тарновъ.
